

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.19>

МЕТАФОРА «ЦВЕТ ВРЕМЕНИ»: СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЯ В.Я. БРЮСОВА «ФОНАРИКИ»)

Научная статья

Астахова Я.А.^{1,*}

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (yana_ast87[at]mail.ru)

Аннотация

Целью настоящего исследования является рассмотрение структуры метафоры «цвет времени» и особенностей её функционирования в поэтическом тексте. Основными методами, использованными в ходе работы, являются анализ корпусных данных и филологический анализ текста. В процессе исследования были получены следующие результаты:

1. Корпус фиксирует употребления данной метафоры с 1919 года;
2. Метафора является неоднородной, интегрируя в себя разные типы значений метафоры времени, выделенные Д. Лакоффом и М. Джонсоном;
3. Стихотворение В.Я. Брюсова «Фонарики» построено по принципу разворачивания метафоры «цвет времени» с использованием разных типов коннотаций цветowych прилагательных.

Метафора «цвет времени» устроена достаточно сложно, так как оба входящих в её состав компонента имеют самостоятельные переносные значения, устроенные по метафорическому принципу. С одной стороны, это придаёт ей богатые выразительные возможности, используемые в текстах разных типов, с другой стороны, вызывает определённые сложности при попытке её осмысления в рамках теории метафоры Лакоффа и Джонсона. В поэтическом тексте данная метафора сохраняет свои основные свойства, но в то же время приобретает ряд дополнительных интерпретаций, которые могут создаваться при её взаимодействии с лексикой, называющей цвета.

Ключевые слова: цветочная лексика, филологический анализ текста, метафора.

THE METAPHOR "COLOUR OF TIME": STRUCTURE AND FUNCTIONING IN A POETIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF AN ANALYSIS OF V.Y. BRUSOV'S POEM "FONARIKI [LANTERNS]")

Research article

Astakhova Y.A.^{1,*}

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (yana_ast87[at]mail.ru)

Abstract

The aim of this study is to examine the structure of the metaphor "colour of time" and the specifics of its functioning in a poetic text. The main methods used are corpus analysis and philological analysis of the text. The following results were obtained in the course of the research:

1. The corpus registers the use of this metaphor since 1919;
2. The metaphor is heterogeneous, integrating the different types of meaning of time metaphor identified by D. Lakoff and M. Johnson;
3. Brusov's poem "Fonariki [Lanterns]" is built on the principle of unfolding the metaphor "colour of time", using different types of connotations of colour adjectives.

The metaphor "colour of time" is rather complex, as both of its components have independent figurative meanings, arranged according to the metaphorical principle. On the one hand, this gives it rich expressive possibilities used in different types of texts, but on the other hand, it causes certain difficulties when trying to understand it within the framework of Lakoff and Johnson's metaphor theory. In a poetic text, this metaphor retains its basic properties, but at the same time acquires a number of additional interpretations, which may be created by its interaction with the lexicon naming colours.

Keywords: colour vocabulary, philological analysis of text, metaphor.

Введение

Окружающий мир окрашен в самые разнообразные цвета, которые имеют очень тесную связь с различными аспектами жизни людей. Структурно-семантические особенности в области наименований цвета связаны с различиями в картинах мира представителей разных культур, со сложившимися историко-культурными, религиозными, климатическими и другими факторами, которые во многом обуславливают неодинаковые стратегии номинации и классификации цветочной лексики, которые обнаруживаются в языках и находят отражение в литературе.

Лингвоцветочная картина мира каждого конкретного языка является динамичным образованием, подвергающимся непрерывным изменениям и существует не в одной, а в нескольких разновидностях, обусловленных сферой применения цветочной лексики. Но в символике цвета в разных культурах так же, как и в семантике колоративов в разных языках, можно выделить как универсальные черты, так и национально-культурные черты.

На современном этапе развития научной мысли актуальность изучения цветовой лексики не подвергается сомнению несмотря на наличие большого количества российских и зарубежных исследований, направленных на описание и изучение различных аспектов данной проблематики.

Но ни одно описание нельзя считать исчерпывающим в силу особенностей семантической организации данного класса слов (соотнесение номинации с некоторым цветовым «эталоном» и высокий коннотативный потенциал, обусловленный тесной связью с национально-культурной спецификой и востребованностью в качестве средств создания художественной образности) и в связи с активными изменениями, которые затрагивают сферу их употребления. Как справедливо отметила Е.В. Рахилина, «лексика этой зоны "заслужила" тот огромный поток исследований, который ей посвящён. Но она заслужила и большего» [9, С. 38].

На наш взгляд, лингвистический анализ цветowych номинаций (колоративов) способен помочь не только максимально полно сформулировать особенности значения и употребления данного класса слов в языках мира, но и дать дополнительные материалы для понимания цвета как категории культуры, что может продуктивно использоваться в методике филологического анализа текста. В исследованиях, посвящённых функциям цветовой лексики в творчестве того или иного писателя, или поэта, как нам кажется, не всегда уделяется достаточное внимание соотношению национально-специфических и индивидуально-авторских коннотаций. Нам представляется важным разделять эти типы коннотаций, чтобы делать более точные выводы об особенностях идиостиля. Как справедливо отмечает А.И. Белов, «анализ цветowych этноэйдём – ключ к познанию психологии народа. Овладение ими позволит глубже проникнуть в смысл текста, и прежде всего поэтического. Знание этноэйдём сокращает дистанцию между коммуникантами, активно содействуя преодолению "культурологического дальтонизма"» [1, С. 49-58], поэтому важно понимать, в каких случаях автор «включает» общее с читателями коннотативное поле, а в каких – выводит читателя из «зоны цветowego комфорта», наполняя хорошо знакомые лексемы новой семантикой.

Помимо способности цветowych прилагательных иметь переносные значения и достаточно активного использования перефразистического способа называния цветов, в русском языке мы можем обнаружить метафоры, содержащие в себе элементы лексико-семантического поля «Цвет». При анализе текста важно понимать, какие языковые механизмы и индивидуально-авторские трансформации составляют основу, на которой строятся богатые выразительные возможности колоративов.

Основная часть

В данной работе нам бы хотелось обратиться к анализу особенностей функционирования метафоры «цвет времени» в поэтическом тексте. В НКРЯ содержится текст, в котором высказана идея о происхождении данной метафоры: «Конечно, 7 ноября демонстрация у нас не состоялась "из-за климатического условия и плохой погоды", но на площади, которая превращается в таковую только по большим праздникам, был митинг, как всегда очень трогательный и красивый, и в три цвета — белый снег, красные лозунги и люди цвета времени. Помнишь "Цвет времени" в сказках Перро? Это просто неправильный перевод "temps" – погода». Возможно, генезис метафоры действительно восходит к переводческой ошибке, но её история требует более тщательного изучения.

Хотя НКРЯ фиксирует только 8 примеров употребления (самый ранний 1919 год в «Дневниках» М.М. Пришвина и самый поздний в 1990-2000 в «В границах нежности» В.С. Золотухина), такое название было дано циклу передач об искусстве, который был показан на телеканале «Культура» в 2008-2010 году. Данный факт, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что данная метафора ощущается как интуитивно понятная широкой аудитории. Таким же образом было переведено на русский язык название американского фильма 2012 года «Color of Time».

Данная метафора устроена достаточно сложно и формирует представление о времени как о некоторой статичной сущности, что нехарактерно для русской языковой картины мира (подробнее см. А.Д. Шмелёв, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина). Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что существуют «два способа концептуализации времени: в одном случае мы движемся, а время стоит неподвижно; в другом — время движется, а мы неподвижны. Общее у этих случаев то, что движение по отношению к нам относительно, причём время ориентировано таким образом, что будущее находится впереди, а прошедшее – сзади» [7, С. 71]. В метафоре «цвет времени», как нам кажется, происходит взаимодействие разных способов метафоризации: с одной стороны, время – неподвижная сущность, с другой стороны, оно описывается как объект и вместительница (в терминологии Лакоффа и Джонсона). Таким образом, время, аккумулируя признаки метафор разных типов, структурируется в метафоре «цвет времени» как ряд неподвижных контейнеров, отличающихся друг от друга цветом.

Употребление лексемы «время» в генитивной конструкции в сочетании с лексемой «цвет» на первый взгляд редуцирует многозначность и сужает значение «время» до значения «эпоха», «определённый исторический период», но при этом необходимо отметить, что в НКРЯ зафиксирован один пример употребления «цвет эпохи» (у Андрея Белого), а «аромат времени» и «аромат эпохи» распределены равномерно (5 и 6 примеров употребления соответственно), что, по нашему мнению, говорит о том, что восприятие времени как некоторой недискретной сущности также сохраняется в данной метафоре, внося достаточно сильный компонент субъективной оценки, которую актуализирует упоминание цвета. Также нам представляется значимым употребление единственного числа существительного (цвет, а не цвета), что, наоборот, привносит в содержание условную «объективность», так как в качестве презумпции содержит представление о том, что время имеет один (или доминирующий) цвет, а не является «окрашенным» широкой палитрой красок.

Помимо представления о времени как о некоторой статичной сущности в данной метафоре очень важно представление о целостности и единстве: цвет является недискретной сущностью, поэтому способность времени иметь какой-то определённый цвет предполагает его единство, но некоторая произвольность в выборе конкретного цвета для какой-либо эпохи (метафора далеко не всегда употребляется с конкретной цветовой номинацией) не позволяет судить о составляющих этого единства. Из чего складывается цвет времени? Это идейная, эмоциональная, социальная, политическая, культурная ситуация? Или их совокупность?

Так как первая фиксация в Национальном корпусе относится к 1919 году, можно предположить, что сама метафора становится актуальной в период Серебряного века, косвенным подтверждением чего может служить стихотворение В.Я. Брюсова «Фонарики» (1904 год), в котором, с одной стороны, мы наблюдаем ту же идею последовательности контейнеров (фонарики на нитке времени), но, с другой стороны, видим существенное расширение и углубление метафоры «цвет времени», которая, хотя и не употребляется в такой языковой форме, но представлена через индивидуально-авторскую интерпретацию идей, которые в ней кодируются. В.Я. Брюсов писал: «Существуют «поэтические идеи», как существуют «музыкальные мысли». Эти «поэтические идеи», выразить которые возможно только сочетанием слов и звуков (дающим особую, исключительную интенсивность образам и мыслям), и составляют истинное содержание поэтического произведения. То, что называют «чувством» («настроением») в стихотворении, и то, что называют «мыслью» («идей») в стихотворении, имеет только вспомогательное значение, объединяя образы, слова и звуки» [2, С. 9]. Данное стихотворение, на наш взгляд, очень интересно тем, что поэт предлагает своеобразную «поэтическую идею» истории, устанавливая связи с реальными людьми и событиями через сложную ассоциативную цепочку.

История не имеет единого цвета, так как складывается из сверкания «разноцветных» эпох. С одной стороны, В.Я. Брюсов характеризует каждую эпоху через определённый цвет, с другой стороны, время представляется как «нить, натянутая в уме», а столетия – как «фонарики», т.е. олицетворение времени выражено более ярко, чем в «цвете времени» и дополнительно усилено комплексом значений, связанных со светом. Фонарики находятся «на прочной нити времени, протянутой в уме», но при этом «сверкают, разноцветные, в причудливом саду»: мы видим, что «временные контейнеры», представленные фонариками, находятся внутри более крупного контейнера, но некоторые сложности вызывает интерпретация «причудливого сада». Если «нить времени» с фонариками натянута в уме, то можно предположить, что ум лирического героя является «причудливым садом», но такой трактовке, по нашему мнению, противоречит следующая строка стихотворения, т.к. остаётся неясным, что значит ходить очарованным внутри своего собственного сознания. Понимание «причудливого сада» как вечности способно, как нам представляется, снять это противоречие. При такой трактовке «нить времени» натянута в уме лирического героя и в то же время принадлежит вечности, в которой все времена существуют одновременно и сверкают, как фонарики в саду.

Авторская оценка различных исторических периодов проявляется в достаточно активном использовании коннотативного потенциала цветовой лексики. В стихотворении «Фонарики» присутствуют оба упомянутых нами ранее типа коннотаций колоративов в поэтическом тексте. В нём находят отражения глубоко укоренённая в русском языке связь цвета и света, которую мы можем наблюдать уже в заглавии и в начале текста (слова, обозначающие цвет как общее понятие, появляются в русском языке примерно в X веке. Общее наименование для различных цветовых терминов (слово цвет) фиксируется с XI века. Оно восходит к индоевропейскому корню *kwit, имеющему значение «светлый, белый, светить», что подтверждает связь в древнерусской культуре цвета и света). Исторические эпохи уподобляются фонарикам, в которых свет и цвет являются неразделимыми: свет имеет какой-то цвет, а цвет в свою очередь «подсвечен». Некоторые цветовые номинации заменены световыми, поэтому их точное определение затруднено (век девятнадцатый, беспламенный пожар; две маленькие звездочки, век суетных маркиз; лампа Лютера — луч, устремленный вниз).

В стихотворении В.Я. Брюсова мы видим как устойчивые переносные употребления цветов и ассоциативные ряды, характерные для русского языка (красный – кровь, жёлтый – луч), так и индивидуально авторские номинации, опирающиеся как на семантику языка (метеор, светоч, звёздочки, пожар, сноп молний), так и на знание определённых реалий внеязыковой действительности (зловеще золотой, лазурное сияние).

В.Я. Брюсов отмечал, что «в поэзии слово – всё; в прозе (художественной) слово – только средство. Поэзия творит из слов, создающих образы и выражающих мысли; проза (художественная) – из образов и мыслей, выраженных» [2, С. 8], поэтому, как нам кажется, многие колоративы имеют нетипичные для обывденного варианта русской лингвоцветовой картины мира коннотации. Например, В.Я. Брюсов связывает жёлтый цвет с неяркостью, что не является стандартной интерпретацией данного цвета в русском языке, так как жёлтый устойчиво соотносится с группой ярких цветов. Индия описывается через неопределённые, холодные «ночные» цвета, что также является интересной находкой поэта, актуализирующей, скорее, сложную мистическую, религиозно-философскую сторону данной культуры, а не её изобилующую яркими красками предметно-вещественную сторону. Рим описывается через ослепительный свет и белый цвет, который устойчиво связан с символикой чистоты и невинности, которая не очень хорошо соотносится с представлением о Римской империи, поэтому, вероятно, В.Я. Брюсов осмысливает белый как некоторое предельное цветовое состояние, квинтэссенцию всех цветов (подтверждением чему может служить строка «Все краски, все сверкания, все тени сплетены!») и наполняет белый цвет коннотациями, связанными с властью и силой, что поддерживается эпитетом «торжествующий». Интересно отметить, что греческая культура описывается через преодоление мрака, но не посредством света или цвета, а при помощи разума и искусства («ты ясностью, прекрасностью победно мрак рассек!»).

В данном стихотворении также заслуживает внимания стратегия номинации исторических эпох, хотя она не связана непосредственно с цветовой лексикой: некоторые эпохи обозначаются географическими названиями, некоторые – именами людей, определивших основные процессы того периода, некоторые – названиями ключевых событий. Можно было бы предположить, что цветовое деление эпох может быть соотнесено со стратегией их номинации, но эти две системы устроены в тексте асимметрично: например, мы можем наблюдать перифрастическое наименование в ряду эпох, названных географическими понятиями (Индия – метеор), и прямую цветовую номинацию, усиленную метафорическим эпитетом, «зловеще золотой» применительно к «веку Данте».

Заключение

По нашему мнению, изучение специфики метафоры «цвет времени» является достаточно перспективным, так как описание, предложенное в данной статье, не является исчерпывающим. Возможно описание особенностей данной

метафоры на материале других произведений, монографическое изучение корреляций коннотаций колоративов с определёнными метафорами в художественных текстах определённого литературного течения, проведение экспериментальных исследований, направленных на выявление активных процессов, происходящих в обыденном варианте лингвоцветовой картины мира и т.д.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.19.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.19.1>

Список литературы / References

1. Белов А.И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики / А.И. Белов // Этнопсихолингвистика. — М.: Наука, 1988. — С. 49-58.
2. Брюсов В.Я. Ремесло поэта: статьи о русской поэзии / В.Я. Брюсов. — М.: Современник, 1981. — 399 с.
3. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. — М.: КДУ, 2011. — 350 с.
5. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
6. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета / В.Г. Кульпина. — М.: Московский Лицей, 2001— 472 с.
7. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
8. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. — М.: Педагогика-Пресс, 1996. — 215 с.
9. Рахилина Е.В. О семантике прилагательных цвета / Е.В. Рахилина // Наименование цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / Под ред. А.П. Василевич. — М.: КомКнига, 2007. — С. 29-39.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. — М.: Слово, 2000. — 624 с.
11. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. — М.: Институт языкознания, 2000. — С. 207-217.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Belov A.I. Cvetovye jetnoejdemy kak ob'ekt jetnopsiholingvistiki [Colour Ethnographic Identities as an Object of Ethnopsycholinguistics] / A.I. Belov // Jetnopsiholingvistika [Ethnopsycholinguistics]. — М.: Nauka [Science], 1988. — P. 49-58. [in Russian]
2. Brusov V.Ja. Remeslo pojeta: stat'i o russkoj poezii [The Poet's Craft: Articles on Russian Poetry] / V.Ja. Brusov. — М.: Sovremennik [Contemporary], 1981. — 399 p. [in Russian]
3. Zaliznjak A.A. Kljuchevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World] / A.A. Zaliznjak, I.B. Levontina, A.D. Shmelev. — М.: Languages of Slavic Culture, 2005. — 544 p. [in Russian]
4. Kornilov O.A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov [Linguistic Pictures of the World as Derivatives of National Mentality] / O.A. Kornilov. — М.: KDU, 2011. — 350 p. [in Russian]
5. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology] / V.V. Krasnyh. — М.: Gnozis, 2002. — 284 p. [in Russian]
6. Kul'pina V.G. Lingvistika cveta [Linguistics of Colour] / V.G. Kul'pina. — М.: Moscow Lyceum, 2001— 472 p. [in Russian]
7. Lakoff D. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By] / D. Lakoff, M. Dzhonson. — М.: Editorial URSS, 2004. — 256 p. [in Russian]
8. Prohorov Ju.E. Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshhenija i ih rol' v obuchenii russkomu jazyku inostrancev [National Socio-cultural Stereotypes of Speech Communication and Their Role in Teaching Russian to Foreigners] / Ju.E. Prohorov. — М.: Pedagogy-Press, 1996. — 215 p. [in Russian]
9. Rahilina E.V. O semantike prilagatel'nyh cveta [On the Semantics of Adjectives of Colour] / E.V. Rahilina // Naimenovanie cveta v indoevropskikh jazykah: sistemnyj i istoricheskij analiz [Colour Naming in Indo-European Languages: a Systemic and Historical Analysis] / Ed. by A.P. Vasilevich. — М.: KomKniga, 2007. — P. 29-39. [in Russian]
10. Ter-Minasova S.G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija [Language and Intercultural Communication] / S.G. Ter-Minasova. — М.: Slovo [Word], 2000. — 624 p. [in Russian]
11. Ufimceva N.V. Jazykovoje soznanie i obraz mira slavjan [Slavic Language Consciousness and Image of the World] / N.V. Ufimceva // Jazykovoje soznanie i obraz mira [Language Consciousness and Image of the World]. — М.: Institute of Linguistics, 2000. — P. 207-217. [in Russian]